

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

И.Е. ДИСКИН

Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса

Исследование становления современной российской хозяйственной системы связано с серьезным пересмотром целого ряда привычных теоретических построений. Отсутствие роста инвестиций при наличии предпосылок, необходимых с точки зрения доминирующих сегодня в нашей стране теоретических представлений, ставит вопрос о причинах этого экономического феномена, о наличии иных по своей природе факторов, препятствующих экономическому росту.

Важным эмпирическим подтверждением существования подобных факторов стали результаты проведенного в 1996 году под моим руководством по заказу Банка России всероссийского исследования сбережений населения России [1]. Крайне знаменателен выявленный в его ходе факт: хорошо информированные владельцы крупных сбережений высказывали недоверие к финансовым институтам и государству как главному препятствию для организованного использования этих сбережений. Размеры сбережений населения, которые могли бы стать существенными источниками экономического роста, но в настоящее время не вовлечены в легальный хозяйственный оборот, характер их функционирования превращают их в предмет серьезного осмысления экономических реалий, приводящих к возникновению подобного феномена.

Потребности осмысления соответствующей хозяйственной реальности обуславливают разработку новых подходов, базирующихся на содержательном проникновении в суть процессов, связанных с кардинальной сменой фундаментальных механизмов, лежащих в основе функционирования российской экономики, с изменениями в базисных моделях социально-экономической деятельности хозяйствующих субъектов, всего населения страны. Поиск таких подходов и методов прежде всего предполагает выявление соответствующих факторов, их теоретическую характеристику.

Трансформация: тенденция и специфика

Рассмотрение общих социально-экономических тенденций и выделение специфических особенностей современного этапа развития нашей страны базируются на осознании того, что само это развитие обусловлено длительным действием мощных макросоциальных факторов. В этом смысле процессы последнего времени — периода социально-экономических реформ — являются одним из важных этапов продолжительных общественных преобразований России (Российской Империи, Советского Союза и современной Российской Федерации). Обычно этот процесс принято называть "модернизацией", однако, как представляется, данный термин не вполне удачен для анализа процессов общественных преобразований в нашей стране. Его

Д и с к и н Иосиф Евгеньевич - доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

использование предполагает, что "осовременивание", т.е. преобразование общества, экономики и государства в соответствии с передовыми мировыми образцами, выступало в качестве главного ориентира развития нашей страны. Исторический же анализ показывает, что развитие России в большей мере базировалось на обращении к определенным образцам, но эти образцы не избирались исходя из практики "передового" мирового опыта, а конструировались в рамках "идеолого-телеологической парадигмы" — на основе определенных идеолого-теоретических представлений и пристрастий ("Третий Рим", "Общеславянская империя", социализм) [2]. Учитывая это, разумно ограничиться более нейтральным понятием "трансформация", а также классическими социологическими представлениями о смене механизмов регулирования социальных процессов. Я буду исходить из теоретической посылки, что в ходе общественной трансформации в России осуществляется переход от традиционного общества, в котором главными социальными регуляторами выступают социальные нормы, строго предписывающие всем членам общества четкие правила и модели поведения, к современному. Его характеризуют механизмы социального регулирования, основанные на большем обращении к индивидуальному выбору, который строится прежде всего на личных ценностях и предпочтениях.

В традиционном обществе в качестве главного механизма передачи и поддержания норм выступает традиция, безусловное послушание "старшим" (по возрасту и социальному статусу). Традиционное общество жизнеспособно до тех пор, пока большинство не ставит под сомнение предписывающие нормы, а соответствующие институты способны применять действенные санкции к меньшинству, попирающему общепризнанные нормы. В этом смысле следует признать, что дореволюционная Россия и довоенное советское общество по своему макросоциальному характеру были по преимуществу традиционным обществом. Послевоенные десятилетия стали периодом его стремительного разрушения.

Можно выделить три основных этапа общественной трансформации:

- латентное разрушение традиционного общества;
- разрушение идеологических устоев;
- кризис прежних моделей жизнедеятельности, начало становления новых моделей и формирования социальной структуры российского общества.

Этап латентного разрушения (1950-1970-е годы) связан с бурной урбанизацией в СССР, быстрым и очень существенным ростом благосостояния, в том числе улучшением жилищных условий населения. В результате большинство населения страны, и прежде всего РСФСР, оказалось жителями крупных и средних городов (многие стали жить в отдельных квартирах), радикально изменив условия своей социально-экономической жизнедеятельности, включая структуру профессиональных занятий, квалификационный уровень. В это же время резко вырос образовательный уровень населения. Нормой стало общее среднее образование. Важным фактором было широкое распространение телевидения, других средств массовой коммуникации. Все это существенно расширило социальные горизонты, сделало многие проблемы общественной жизни предметом рассмотрения и анализа значительной части населения.

При этом следует иметь в виду, что перемены в моделях жизнедеятельности советского общества осуществлялись крайне неравномерно. Можно говорить о "послойной трансформации", когда латентное разрушение традиционного общества затрагивало прежде всего жителей мегаполисов, затем как бы спускалось вниз по урбанизационной лестнице: от крупных городов к средним и малым, а затем и в село; от центра к периферии и т.п. Одновременно в процессе трансформации закладывались предпосылки для все большей индивидуализации образа жизни, для формирования рационального и утилитарного подходов к решению жизненных проблем.

В результате нормы традиционного образа жизни в его социалистическом оформлении стали проблематизироваться, они уже не рассматривались в качестве незыблемых нравственных устоев. Важным сопутствующим элементом, подкрепляю-

щим значимость индивидуального выбора и индивидуальной ответственности, были перемены в идеологических устоях режима, которые начиная с 1960-х годов включали такие элементы, как рост личного благосостояния, социалистическая законность, личная инициатива и ответственность. Эти элементы в специфически превращенном виде содержали обращение к моделям социальной деятельности, основанным на индивидуальных ценностях. В то же время социальная практика, базирующаяся на все еще действенной идеологической машине, достаточно жестко подавляла реальные проявления индивидуальности, независимости суждений, выходявших за пределы все время расширяющихся, но достаточно четко ограниченных рамок, предписанных для соответствующих социальных групп (каждому свои пределы личных суждений, но личная свобода - никому).

Этап массового разрушения идеологических устоев советского общества, начало которого можно отнести к 1980-м годам, а конец к самому началу 1990-х, связан с массовой проблематизацией идеологических устоев советского режима, бывших опорой разрушавшегося, но живого традиционного общества. Появление идейно влиятельного андеграунда, отвергавшего (в отличие от "шестидесятников" и "семидесятников") идеологию социализма, накопление уже осознаваемых широкими слоями общества противоречий между риторикой и практикой режима, безрезультатность локальных попыток реформирования экономики создали предпосылки для массового недоверия к стереотипам советской пропаганды, пробуксовки всей идеологической машины. В обществе начала складываться все еще слабо осознаваемая жажда идеологической "смены вех", которая стала серьезной базой для перестройки. Разрушение идеологических основ режима приняло массовый и открытый характер.

В связи с принятием законов о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности началось формирование практических моделей социально-экономической деятельности, основанных на ценностях предприимчивости и экономического активизма. Однако этот процесс не носил еще массового характера и не затрагивал ценностных основ действовавшего экономического порядка. Принципиально важно, что разрушение идеологических ценностей происходило на фоне интенсивной пропаганды либеральных ценностей, представленных в предельно идеологизированном, обедненном и умозрительном виде, оторванном от их социально-экономического контекста, т.е. от тех условий и моделей жизнедеятельности, с которыми эти ценности связаны. Сложился разрыв между сменой идеологических ориентаций значительной части общества, с одной стороны, и практикой его социально-экономической активности - с другой.

Начавшиеся в 1992 году в России радикальные экономические и социальные реформы во многом базировались на сломе прежних идеологий и на социальном нетерпении широких масс, ощущавших кризис прежней системы хозяйствования и ожидавших, что перенос в хозяйственную жизнь новых идеологических представлений способен радикально повысить эффективность экономики. При этом практически не осознавалось, что желанные изменения в основах хозяйственной жизни связаны с кардинальными переменами в моделях жизнедеятельности практически каждой семьи, с отказом от привычных укладов и стереотипов. В широких массах еще наличествовали представления о незыблемости патерналистских обязательств государства, призванного гарантировать каждому приемлемые социальные условия жизнедеятельности. Реформы воспринимались большинством как шанс на повышение наличного уровня благосостояния, но никак не в качестве реальной возможности его утратить, поставить его в зависимость от разного рода внешних условий и личных предельных, зачастую непомерных усилий. В такой ситуации односторонний и одномоментный разрыв соответствующего социального контракта был воспринят как кризис всех социальных представлений.

Итогом предшествующего развития стали разрушение традиционного общества, кризис идеологии, на которой базировался советский социальный порядок, противоречивость и неустойчивость новых социальных идеалов, находящихся при этом в

значительном противоречии с реалиями хозяйственной жизни. В результате оказалось, что в стране практически отсутствуют общезначимые этические нормы, способные стать прочной основой для функционирования системы экономических институтов, хозяйственной жизни в целом. Подобное положение лишает процессы трансформации общих ориентиров, усиливает макросоциальный кризис моделей социально-экономической активности. На этом макросоциальном фоне население страны, все более осознающее непригодность своих прежних социальных навыков, начало поиск новых моделей, отвечающих новым условиям [3].

Специфика российской модели трансформации характеризуется тем, что *смена механизмов регулирования социально-экономической деятельности происходила практически вне сдерживающих и формирующих рамок одномоментно разрушившейся системы государственных институтов, всей прежней институциональной системы регулирования хозяйственных отношений.*

Оценивая противоречивые результаты идущих в российском обществе трансформационных процессов, следует учитывать, что в их ходе произошли парадигмальные перемены: идеолого-телеологическая парадигма практически утратила свое, длившееся не одно столетие господство. Ей на смену приходят различные варианты генетической парадигмы (идеолого-генетическая, рационально-генетическая) [2]. Значение этого факта не может быть недооценено, ибо смена парадигм развития способна открыть качественно новые перспективы для нашей страны. Главный вопрос состоит в том, какие возможности существуют, чтобы этим воспользоваться.

В первую очередь следует обратить внимание на перспективы становления институциональной среды как необходимого условия для функционирования политической демократии и рыночной экономики. Предшествующее изложение приводит к выводу, что в России в ходе трансформационного процесса сложилось глубокое *макросоциальное противоречие*. С одной стороны, функционирование экономических и политических институтов с необходимостью требует становления адекватной институциональной среды, с другой - данный процесс не может опираться на прочную общезначимую хозяйственную и политическую этику, задающую соответствующие нормы поведения и являющуюся моральной опорой для применения санкций за их нарушение. В стране нет ни одного из условий для того, чтобы подобная этика могла выполнять свою макросоциальную функцию. В число таких условий, необходимых для актуализации у большинства населения значимых соответствующих социальных ценностей, входят:

- прочная историческая традиция приверженности к легальным институтам, прежде всего к соблюдению законов;
- искренняя религиозность, обеспечивающая связь этических и религиозных норм;
- идеологическая мобилизация, увязывающая этические нормы с приверженностью к доминирующей, разделяемой большинством населения идеологической доктрине;
- доверие к харизматическому лидеру, выступающему в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм.

В обозримой перспективе представляется маловероятным использование какого-либо из указанных социальных ресурсов для создания прочной этической среды как основы функционирующей институциональной среды, системы социальной мобильности и мотивации, обеспечивающей мобилизацию "человеческого капитала" и имеющихся социально-экономических ресурсов. В свою очередь это означает, что становление институциональной среды в России существенно отличается от процессов формирования институциональной среды в странах Запада, где существенную роль играли религиозно-нравственные поиски (реформация, контрреформация и т.д.).

Сегодня институциональная среда российской хозяйственной жизни складывается под одновременным воздействием номинальных, устанавливаемых прежде всего государством, норм деятельности и санкций за их нарушение, с одной стороны, и практикуемых моделей социально-экономической деятельности основных субъектов

хозяйствования - с другой. Субъекты хозяйствования представляют экономическую реальность не в виде номинально установленного "свода законов" или устоявшихся соответствующих традиций, а в сложном социально обусловленном отображении¹. Утрируя, можно сказать, что у нас наличествует *серьезный концептуальный и коммуникационный конфликт*. "Верхи", руководствуясь классическими узкоэкономическими представлениями, посылают хозяйствующим субъектам макроэкономические сигналы (ставки налога и процента за кредит, "валютный коридор", уровень инфляции и др.). решения о номинальных переменных в условиях хозяйствования. "Внизу", на микроуровне, осуществляется интерпретация этих сигналов, дающая эффект, качественно отличный от предполагаемого. В этой связи было бы неверно говорить о нерациональной реакции хозяйственных субъектов, хотя, безусловно, такой тип реакции также наличествует. Справедливее, однако, было бы рассматривать действия субъектов хозяйственной деятельности как вполне рациональную реакцию на ту гораздо более широкую и многообразную социально-экономическую реальность, чем номинально устанавливаемые "сверху" правила экономической жизни.

Складывающаяся более или менее стабильная система реакций на эту отображенную экономическую реальность формирует структуру моделей социально-экономической деятельности различных слоев и групп населения. К числу факторов, определяющих конкретный характер складывающихся моделей, относятся:

- кризис ценностных ориентации, смена мотивов и ориентиров хозяйственной активности социальных субъектов;
- влияние прежних норм и представлений, моделей социально-экономической активности на реальную хозяйственную практику;
- быстро меняющиеся, слабо скоординированные и зачастую внутренне противоречивые номинальные социально-экономические установления хозяйственной жизни;
- структура адаптационных (позитивных, негативных, нейтральных, эскапистских) установок различных слоев и групп населения;
- реально действующая в хозяйственной жизни система стимулов и санкций (формальных, неформальных, иллегальных) за проявления социально-экономической, в том числе предпринимательской, и трудовой активности.

Совокупность названных факторов позволяет охарактеризовать современную хозяйственную систему как *квазирыночную*. Внешние связи этой системы (внешне-экономические, потребительский рынок) осуществляются по рыночным законам. В то же время внутренние, в действительности ключевые для экономики (определяющие ее эффективность) отношения между большей частью хозяйственных субъектов осуществляются во вне рыночных формах (бартер, взаимозачеты и т.п.). Статистические данные подтверждают этот тезис: подобные формы взаимоотношений охватывают уже более половины хозяйственного оборота.

Одновременно, как показывают материалы проведенных нами исследований и данные опроса экспертов, большинство менеджеров реального сектора отечественной экономики еще не ориентируются на долгосрочные цели, характерные для развитой рыночной экономики: рост капитализации, повышение прибыли и конкурентоспособности, снижение производственных издержек. Их ориентации в большой мере связаны с простым выживанием своих предприятий или же, напротив, с личным обогащением за счет разорения "своих" предприятий. При этом зачастую высшие менеджеры используют собственные частные предприятия для извлечения доходов в ущерб контролируемому ими "большому предприятию". Вполне очевидно, что подобное поведение хозяйственных субъектов существенно отличается от описаний, даваемых экономической теорией.

---

¹ Подобные представления уже получают свое выражение у практиков, стремящихся к научной рефлексии (см. [4]).

Понимающая экономика

Итак, в трансформирующейся экономике наряду с номинальными установлениями присутствуют существенные и сущностные для нее нерыночные проявления, крайне значимые для ее функционирования латентные и иллегальные социальные механизмы регулирования, включая витальные санкции за грубое нарушение их ключевых норм. Это влечет за собой два важных вывода. Во-первых, бессмысленно (а то и просто опасно) принятие каких-либо значимых мер в экономической области, не учитывающих специфический характер социально-экономических представлений и ответных реакций хозяйствующих субъектов. "Хотели как лучше, а получилось как всегда" - чеканная эпитафия номиналистским стратегиям.

Во-вторых, позиция исследователя, стремящегося к выработке практических рекомендаций, может базироваться лишь на продвижении в адекватности понимания экономической реальности, на теоретико-методологическом осмыслении закономерностей функционирования трансформирующейся экономики. В условиях подлинно глубоких преобразований устоявшиеся политические и экономические категории теряют свою привычную четкость и определенность. Они уже не могут служить надежным инструментом анализа: их использование может приводить к ложным выводам.

Например, фундаментальная и аксиоматическая для рыночной экономики категория собственности в отечественной ситуации расплывается. Покупка легитимных прав собственника вовсе не обязательно влечет за собой приобретение прав владения, распоряжения и использования при отсутствии у номинального собственника иных (внеэкономических, прежде всего властных) по своей природе прав и влияний. Известны многочисленные, неоднократно приводившиеся в печати факты, когда номинальный собственник, приобретший акции приватизированного предприятия, не мог воспользоваться своими правами, например из-за отказа внести соответствующие изменения в реестр акционеров и т.п. Далеко не единичны случаи грубого недопущения представителей номинального собственника на территорию предприятия. Но здесь мы имеем дело уже с несколько иной категорией, скорее характерной для феодального или аналогичного ему общества, в котором властные внеэкономические отношения пронизывают всю ткань хозяйственной жизни.

Прояснение подлинного существа используемых категорий, их релевантности меняющейся действительности требует выявления тех конкретных условий, которые определяют *содержательный характер, весь социально-экономический и социально-политический контекст социальных отношений, охватываемых рассматриваемой категорией*. Лишь на такой основе возможно использование (зачастую с явными существенными оговорками) привычных категорий экономического анализа или (в необходимых случаях) выработка иных, более адекватных понятий, лучше отражающих специфику хозяйственной жизни современной России. В некотором смысле здесь можно провести аналогию с переходом от позитивистской к понимающей социологии, позволившим проникнуть в смысловые взаимодействия сложных социальных систем с учетом всего социокультурного, социоантропологического и исторического контекста. Этот переход, как известно, был связан с пересмотром методологических представлений и переоснащением инструментального арсенала социологической науки.

Думается, что в повестку дня теоретико-методологических проработок выдвигается становление *понимающей экономики*. Ее задачи можно охарактеризовать по аналогии с понимающей социологией, существующей параллельно и в творческом диалоге с позитивистской социологией. Понимающая экономика призвана с использованием достижений смежных дисциплин провести анализ адекватности классических экономических категорий и институтов, охарактеризовать их границы и модификации с учетом реалий трансформационных процессов. По существу, необходим трудный этап практически тотальной теоретико-методологической критики всей аксиоматики *"economics"*, переосмысления значений соответствующих категорий в конкретных российских условиях. При этом важным требованием к становлению понимающей

экономики как новой дисциплины является "возврат в экономику". Привлечение новых социальных и иных категорий для анализа экономических реалий все же предполагает установление их категориального соотношения со сложившимися и вводимыми вновь специально экономическими представлениями. Попытки прямого включения в систему экономических категорий понятий из смежных дисциплин неизбежно приведут к утрате категориальной четкости, расстыкованности используемых экономических категорий, к снижению практической применимости рекомендаций, на которые исходно ориентирована экономическая наука.

Для становления понимающей экономики уже сложились существенные предпосылки. Активизировался интерес к неклассическим аспектам экономической действительности, к поиску новых теоретических подходов, в частности к изучению институциональной экономики и "экономики третьего сектора". Накоплен значительный эмпирический материал, характеризующий латентные стороны хозяйственной жизни. В фокусе исследовательского интереса оказываются мотивы принятия хозяйственных решений предпринимательским и директорским корпусом, оценки соответствующей нормативной базы самими хозяйствующими субъектами, реальные барьеры, стоящие на пути легальной экономической деятельности.

Социальный капитал

Специальной категорией, призванной "встроить" социокультурные факторы в систему экономических представлений, является *социальный капитал*. Данное понятие, характеризующее влияние социокультурных факторов на экономическое функционирование, впервые введено Г. Лури [5] и развито Д. Колеманом [6]. Однако его использование для развития подходов понимающей экономики предполагает некоторое расширение толкования. Под социальным капиталом в дальнейшем понимается *вклад социальной организации общества в производство*. Такое определение позволяет соединить классические социологические концепции "социального порядка" (Т. Парсонс), "социального функционирования" со стремлением различных экономических школ, включая неоклассиков, встроить макросоциальные представления в теоретические экономические конструкции.

Уровень социальной организации качественно может быть выявлен через оценку функционирования системы социальных институтов, характер социальной мобильности и мотиваций экономических субъектов. Самый поверхностный подход к оценке влияния социальной организации на экономическое функционирование указывает на наличие существенных структурных связей. Разные варианты социальной организации в их конкретно-исторической и национальной формах благоприятны или, напротив, противопоказаны определенным моделям экономики. Так, неоднократно отмечалось положительное влияние протестантской этики на формирование рыночной модели, основанной на предпринимательстве и конкуренции. Достаточно хорошо изучено влияние буддийских ценностей, создающих предпосылки для сильного государственного регулирования, высокой исполнительной дисциплины, трудолюбия при ограниченных потребительских стандартах, на складывание экономических моделей "новых азиатских драконов". Активно исследуется связь трансформационных социальных процессов и экономического развития в Латинской Америке².

Именно категория "социальный капитал" позволяет представить фактор "социальной организации", "социального порядка" в ряду таких факторов производства, как капитал, трудовые ресурсы, научно-технический прогресс, земля, природные ресурсы и т.п. Социальный капитал в этом смысле может быть в определенных границах замещаем другими факторами производства, и его стоимостная оценка будет связана со стоимостью необходимых затрат альтернативных факторов, обеспечивающих

---

² Мною ранее также предпринималась попытка анализа влияния морально-этических факторов в рамках альтернативных капитализму социально-экономических конструкций [7].

достижение того же экономического результата. При таком понимании становится очевидно, что в каждой конкретной социально-исторической ситуации существуют ограничения макроэффективности социально-экономического функционирования, определяемые доминирующими в обществе моделями хозяйственной деятельности основных субъектов этой деятельности. Попытки повысить уровень такой эффективности путем воздействия на один из элементов данной системы скорее всего будут "погашены" влиянием других социально-экономических факторов. Сокращение трансакционных издержек в одном звене с лихвой перекрывается их ростом в других.

Однако такая позиция лишь выражает скептицизм в отношении самой возможности быстрых и радикальных сдвигов в социокультурной области, существенно лимитирующих рост соответствующей эффективности. В то же время длительные, упорные и целенаправленные усилия по упрочению общественной морали, улучшению функционирования государственных институтов и т.п. способны дать положительные результаты. Понимаемая подобным образом предельная эффективность соответствующих факторов производства, включая социальный капитал, различается во времени и в пространстве в соответствии с национально-культурными различиями стран, с доминирующими моделями хозяйственной деятельности и связанной с ними спецификой моделей экономического функционирования.

Включение "понимающих" подходов и расширенная трактовка категории "социальный капитал" открывают большие возможности для изучения принципов функционирования достаточно специфического хозяйственного механизма, сложившегося в современной России. При этом принципиально важно охарактеризовать на теоретическом уровне тот вполне очевидный факт, что кардинальную роль в функционировании этого механизма играет *разрыв между номинальными установлениями, зафиксированными в законах и других нормативных актах, с одной стороны, и реальными моделями социально-экономического действия, на которых базируется практика жизнедеятельности хозяйствующих субъектов, - с другой.*

Дело не в самом наличии "зазора" между писанным законом и живой жизнью, который действительно неизбежен. Главная проблема в том, что при существовании реальной пропасти между ними возникает *специфическая институциональная среда, формирующаяся для заполнения такого "зазора"*. Подобная ситуация сложилась у нас сегодня. Она в значительной степени обусловлена наследием длительного господства идеолого-телеологической парадигмы. Не раз она возникала и в прошлом. "У нас самый закон заклеямен неискренностью. Не озбочиваясь определенностью правил и ясностью выражений, он прямо и последовательно требует невозможного", - писал П. Валуев (впоследствии активный участник александровских реформ) [8].

Действительно, в ситуации, когда большинство хозяйствующих субъектов уклоняются от налогообложения, уровень этого налогообложения уже не может оцениваться по тем нормам, которые записаны в соответствующих законах. Более того, этот уровень будет существенно различаться в зависимости от наличия реальных возможностей уклонения от налогообложения. Кроме того, общая налоговая нагрузка хозяйствующего субъекта будет существенным образом зависеть от наличия или отсутствия иллегальных поборов, налагаемых криминальными структурами или местными властями. Все это приводит к выводу, что при наличии существенного "зазора" между номинальными установлениями, регулирующими хозяйственную жизнь, и реальной практикой следует говорить о существовании совокупности *локальных институциональных сред, каждая из которых определяет условия функционирования соответствующего хозяйствующего субъекта.* Такая локальная институциональная среда складывается в результате как активных действий этого субъекта с использованием разного рода социально-экономических ресурсов, так и под влиянием социальной среды.

В качестве важного фактора формирования локальной институциональной среды следует выделять ее специализированные структуры, обладающие ресурсами, которые позволяют осуществлять интерпретацию коллизий, возникающих в результате

наличия рассматриваемого "зазора", определять характер санкций за отклоняющее поведение. Примером подобных структур могут выступать налоговые инспекции, определяющие объекты и порядок своих проверок. Другим ярким примером такой структуры является правительственная "чрезвычайная комиссия", выбирающая в качестве объектов для применения санкций предприятия не только по размеру их задолженности.

На снижение угроз и рисков (политических и экономических) деятельности и направлены усилия хозяйствующих субъектов по формированию локальной институциональной среды, включая различные воздействия на соответствующие структуры, определяющие характер конкретного "зазора". Эффективность этих усилий может быть оценена по тому, насколько успешно идет процесс создания *социального капитала хозяйствующего субъекта*.

Его стоимость можно измерять через капитализацию снижения транзакционных издержек, достигаемого в результате создания локальной институциональной среды. Другой (затратно-компенсационный) подход к оценке социального капитала хозяйствующего субъекта основан на стоимости затрат других производственных факторов, обеспечивающих равные результаты хозяйственного функционирования при альтернативном варианте создания локальной институциональной среды данного хозяйствующего субъекта.

Этот подход открывает возможность сравнительной оценки вариантов повышения эффективности хозяйственной деятельности и, соответственно, выбора стратегии повышения эффективности функционирования хозяйствующего субъекта, включая наращивание его социального капитала или повышение эффективности других производственных факторов. Благодаря его изменению можно лучше понять реалии российской хозяйственной жизни, когда предприятия почти не заботятся о росте эффективности использования привычных производственных факторов. Можно предположить, что наращивание социального капитала, создание локальной институциональной среды - гораздо более важная задача, без решения которой усилия по повышению эффективности просто бессмысленны.

Изложенное выше позволяет говорить о специфической составляющей предпринимательской деятельности, целью которой становится повышение эффективности предприятия за счет создания локальной институциональной среды. При этом лоббизм и коррупция являются, соответственно, легальным и иллегальным инструментом в рамках этой деятельности. При подобном понимании роли "зазора" между номинальными установлениями и реально существующими условиями становится понятно, что специализированные социальные структуры обеспечивают избранным хозяйственным субъектам возможность извлечения дополнительной прибыли - *социальной ренты* - за счет создания локальной институциональной среды. Ее создание, как показывает даже поверхностный анализ, является важной целью российских олигархий - крупнейших финансово-промышленных структур, для которых одним из важных приоритетов стало завязывание влиятельных связей в правительстве и иных государственных структурах. Из этого следует и более общий вывод: элиты в целом (экономические и политические) *заинтересованы в поддержании рассматриваемого "зазора", благодаря которому становится возможным получение социальной ренты*.

"Зазор" также создает возможности для дополнительных доходов специализированных структур, обеспечивающих практическое урегулирование взаимоотношений между номинальными установлениями и реальными условиями. Отсюда, в частности, заинтересованность определенных кругов в нереалистичном бюджете. В этой ситуации необходимо определить порядок его исполнения, круг структур, приоритетно получающих средства, а значит, отнесение подобных вопросов "на усмотрение" соответствующих инстанций. Еще одним примером создания локальной институциональной среды могут служить залоговые аукционы, в ходе которых отдельные, привилегированные структуры явно пользовались существенными преимуществами.

При этом конкуренция между олигархическими группировками становится важным фактором, создающим предпосылки для снижения размеров обсуждаемого "зазора", для большей упорядоченности функционирования социальной системы, наконец, для повышения эффективности институциональной системы в целом.

Исходя из изложенного, можно обобщить представление о *социальной ренте*, которая извлекается (по аналогии с земельной или природной рентой) за счет развития социального порядка - использования социального капитала, накопленного в данной стране или даже в соответствующем регионе. С этих позиций вполне понятна привлекательность авторитарных режимов с их специфическими моделями социального порядка для размещения предприятий, производящих массовую продукцию и нуждающихся прежде всего в социальной стабильности. Наоборот, подлинно конкурентная рыночная среда, подкрепляемая высокой социальной динамикой, предполагает наличие либерального социального порядка и демократической политической системы. Но такое обобщение также указывает на возможность извлечения социальной ренты, возникающей благодаря "зазору" между номинальными представлениями о мировом экономическом порядке, с одной стороны, и конкретными национальными институциональными реалиями — с другой.

В этой связи понятна двойственность экономических последствий "культурного империализма", устанавливающего при посредстве глобальных средств массовой информации наряду с качественно новыми возможностями общения, разрушением национальных информационных границ всемирные номинальные культурные нормы. "Макдональдизация" мировой культуры (термин, быстро входящий в мировой оборот) создает дополнительные возможности получения социальной ренты для стран - мировых экономических лидеров, задающих характер взаимодействия мировых номинальных установлений и национальных институциональных условий. Эти примеры призваны лишь продемонстрировать возможности извлечения социальной ренты при различных благоприятных комбинациях политической системы и моделей экономики.

Другой более разработанной сегодня категорией, также призванной обеспечить включение социальных факторов в экономический анализ, является *человеческий капитал*, в котором находят свое выражение умения, мастерство (общее или специальное), приобретенные человеком в ходе профессиональной подготовки и профессионального опыта. Полезно рассматривать категории человеческого и социального капитала как рядоположные, характеризующие индивидуальную и социальную составляющие факторов, воздействующих на экономическое развитие.

Использование категории "человеческий капитал" позволило связать такие чисто экономические факторы, как производительность труда и рост заработной платы, с социальными факторами — трудовая мораль, преданность компании и т.п. Учет этой категории позволил существенно продвинуться в выработке на микроуровне стратегий занятости, оплаты труда и т.п.

Введение категории "человеческий капитал" позволяет ставить вполне прикладную задачу экономической политики, связанную с альтернативой сохранения накопленного капитала или приведения его в соответствие со спросом со стороны современной экономики. Очевидно, что созданный для прежней экономики человеческий капитал явно не соответствует существенно меньшей по объему и гораздо более примитивной в технологическом отношении экономике России. В среднесрочном плане в связи с перспективами экономического роста возможно существенное увеличение спроса на ранее созданный, а также на новый человеческий капитал. Подлинным решением этой проблемы может стать оптимизация затрат на поддержание накопленного человеческого капитала, его прирост и структурное преобразование, исходя из существующего и перспективного спроса на этот капитал, а также с учетом иных вариантов использования соответствующих ресурсов.

Предшествующий анализ был направлен на то, чтобы показать: необходимым условием развития России в современных условиях является мобилизация макро-социальных ресурсов - социального капитала. Его наращивание напрямую зависит от

характера функционирования социальных институтов, социальной мобильности и мотивации хозяйствующих субъектов. Сказанное не означает игнорирования монетарных факторов или наличествующих в отечественной экономике глубоких структурно-технологических диспропорций. Оно лишь означает, что указанные макро-социальные факторы являются необходимыми предпосылками создания сколько-нибудь внутренне органичного, устойчиво функционирующего рыночного механизма, без становления которого не могут быть преодолены ни ограниченность финансовых ресурсов, ни структурные диспропорции в экономике.

Тезис о ключевой роли социального капитала для экономического развития влечет в качестве необходимого следствия вывод о том, что экономическое развитие страны стоит перед альтернативой:

1) *экономический рост на основе мобилизации социального капитала*, использования наличных запасов разведанных природных ресурсов, резервов производственной инфраструктуры, человеческого капитала - относительно дешевой и квалифицированной рабочей силы. В результате станет возможным воспроизводство всех этих ресурсов на органичной рыночной основе, создание тем самым социально-экономического потенциала для долгосрочного и сбалансированного функционирования экономики со средним структурно-технологическим уровнем, для развития и роста эффективности секторов, производящих человеческий капитал;

2) *дальнейшая стагнация, связанная с разрушением социального капитала*, приводящая к непроизводительной амортизации накопленной за период предшествующего экономического развития производственной инфраструктуры и квалификационно-образовательного потенциала. Такое развитие событий с неизбежностью приведет к необходимости масштабного сокращения системы производства человеческого капитала до уровня, определяемого потребностями и возможностями сжимающейся и снижающей свой структурно-технологический уровень экономики, к утрате доступа большинства населения к общему среднему образованию, к квалифицированному здравоохранению и достойному социальному обеспечению. Этот вариант - *путь России к слаборазвитости на длительную перспективу*.

Институциональная интеграция

Выше уже говорилось о крайне серьезных трудностях для роста социального капитала. Но их наличие вовсе не означает, что в ближайшей перспективе мобилизация социального капитала как предпосылка экономического развития практически невозможна и единственный путь для России - стагнация и слаборазвитость. Изложенные выше соображения, естественно, снижающие планку исторического оптимизма, влекут за собой гораздо более ограниченный вывод: в ближайшей и среднесрочной перспективе вряд ли стоит рассматривать в качестве реалистического вариант макросоциального развития, связанный с быстрой и тотальной институциональной интеграцией.

Пока мы живем в условиях *распада институциональной среды на совокупность локальных сред, отсутствия сколько-нибудь прочной всеобщей этической среды* (и реальных перспектив ее формирования), *опирающейся на внешние макросоциальные основания, которая могла бы создать основу для "сшивания" локальных сред*. В такой ситуации, думается, формирование механизмов регулирования социально-экономических отношений и социальной активности будет осуществляться сегментарно. Наиболее реалистичной представляется *поэтапная институциональная интеграция*, которая может базироваться на расширении соответствующих этических пространств, покрывающих локальные институциональные среды за счет выработки более широких "конвенциональных" норм и санкций за их нарушение.

Основой формирования таких "конвенциональных" этических норм и санкций, соответствующих последовательно расширяющимся социальным сегментам (обычно ха-

рактерным для изолированных социальных сообществ - тайных орденов, преступных организаций и т.п.), будет наличие персонифицирующих эти сегменты лиц или групп социальных ресурсов, пригодных для использования в качестве стимулов за социально одобряемое поведение и (что гораздо более важно) для санкций за нарушение "конвенциональных" норм. Соответственно, устанавливаемые "конвенциональные" нормы по своей устойчивости и эффективности будут существенным образом различаться в зависимости от содержания и форм применяемых санкций, а также от ряда социокультурных факторов, определяющих "прочтение" и усвоение устанавливаемых норм, характер адаптации социальных групп, принадлежащих к тому или иному социальному сегменту. Очевидно, что подобная сегментация способна породить кардинально различающиеся по своему содержанию механизмы социального регулирования, что может стать очень серьезным препятствием для перспектив макросоциальной интеграции.

В соответствии с высказанной гипотезой в России прежде всего на базе локальных институциональных сред крупных хозяйствующих субъектов начнут формироваться "очаги" выработки моделей регулирования хозяйственных отношений и социально-экономической активности. Представляется, что наиболее крупным социальным пространством для их формирования станут олигархические группировки, "сшивающие" локальные институциональные среды входящих в них предприятий и тем самым расширяющие социальные границы действия вырабатываемых моделей.

Институционализирующее воздействие экономических элит, их этические нормы и представления в соединении с оценками характера внешних угроз для развития этих группировок будет в значительной мере определять характер функционирования соответствующих механизмов. Стремление лидеров олигархических группировок к устранению внешних угроз и повышению экономической эффективности деятельности "своих" группировок может стать существенным фактором упрочения и упорядочения системы норм и санкций (впрочем, далеко не всегда соответствующих нормам права и морали цивилизованного общества). В этих достаточно крупных социальных сегментах будет складываться социальная почва для этических норм "номенклатуры" с четким прописыванием статусных позиций и связанных с ними иерархических рамок.

Существенный фактор становления этических норм для различных социальных сообществ — деятельность организованной преступности, которая в силу предельного характера санкций, применяемых преступными сообществами, во многом задает образцы этических норм. В этой связи думается, что значимым образцом этических норм и применяемых здесь санкций могут стать "понятия" - нормы криминального мира. Важным подтверждением проникновения указанных этических норм в сознание российских элит является массовое включение в деловую коммуникацию "фени" - блатного жаргона, на котором многие этические проблемы современного бизнеса действительно могут быть прояснены достаточно четко.

Другой фокус, в котором создается основа для формирования более обширных, но существенно менее плотных по действенности санкций "очагов" регулирования социально-экономических отношений, - территориальные социальные общности. Функционирование территориальных "очагов" базируется на авторитарных возможностях региональных элит по контролю над деятельностью хозяйствующих и других социальных субъектов, блокирующих проявление норм, противоречащих устанавливаемым самими этими элитами.

Альтернативным полюсом становления рассматриваемых механизмов являются сегменты социальной жизни, находящиеся вне этих "очагов". На них не распространяется какой-либо устойчивый внешний контроль, поддерживающий систематизированные этические нормы. Здесь в силу неустойчивости институциональной среды, трудностей предвидения внешних угроз и последствий реализации той или иной среднесрочной хозяйственной стратегии будут преобладать "ситуативный" вариант целе-рационального поведения или традиционная хозяйственная деятельность. Начнут формироваться нормы и представления, обусловленные существованием индивида во

враждебном и непонятном мире, а также жесткая этика семьи или малой группы, находящихся в положении "осажденной крепости". Легко также представить зарождение в этой среде мифологии предельного индивидуализма, нищестанства, спенсеровской социальной философии естественного отбора, различных модификаций романтизма, в том числе с криминальным содержанием.

Возможности магистральных стратегий мобилизации "социального капитала" и характер возникающего на базе этой консолидации политического и экономического механизма оказываются в зависимости от вариантов консолидации экономических элит - лидеров олигархий и региональных элит:

- *консолидированные элиты* создадут предпосылки для авторитарного политического режима и относительно быстрого становления интегрированного социального механизма, связанного с взаимодействием сохраняющих свою относительную обособленность социальных сегментов и основанного на "номенклатурно-аристократической" модели социальной мотивации и мобильности, на существенном повышении стабильности и устойчивости хозяйственного механизма. Сократятся трансакционные издержки при относительно низком уровне инновационного потенциала, необходимого для эффективной рыночной экономики;

- *конкурирующие элиты* будут блокировать формирование любого сколько-нибудь интегрированного социального механизма, препятствовать росту стабильности функционирования и повышению эффективности хозяйственного механизма, но станут опорой для сохранения конкуренции в политической сфере, поддержкой для номинально демократических политических институтов. Сохранится социальное пространство для индивидуальной активности и мобильности.

Представленные соображения показывают, что интеграция социальных сегментов играет кардинальную роль в процессах трансформации. Ее характер будет во многом влиять на переход страны к той или иной макросоциальной траектории развития. В этой связи важно очертить некоторые возможности подобной интеграции (подробный анализ этих проблем требует специального рассмотрения). Парадигмально можно выделить три концепта социальной интеграции, опирающихся на соответствующие социоантропологические концепции человека:

- *"либеральную"*, в соответствии с которой "естественный" человек изначально хорош, социальная интеграция не требует каких-либо специальных социальных институтов. По мере освобождения человека от "гнета государства" и других искуственных порождений цивилизации его нравственное самосовершенствование, индивидуальные усилия, рационализм и ответственность смогут решить все проблемы функционирования общества;

- *"консервативную"*, исходящую из тезиса об изначальной порочности человека, нравственность которого не способна устоять перед искушениями и соблазнами. Эта природная порочность может быть компенсирована лишь внешними сдерживающими и интегрирующими традиционными "рамками" цивилизации (религия, семья), и прежде всего государственными установлениями (закон и жесткие санкции за его нарушение);

- *"социалистическую"*, предполагающую возможность исправления недостатков человеческой природы и нравственного наследия предшествующего развития средствами целенаправленного общественного (прежде всего на базе развернутой системы государственных институтов) воспитания, включающего социальную интеграцию.

Понятно, что перспективы интеграции социальных сегментов, и прежде всего этических конструкций властвующих элит, вряд ли могут опираться на "консервативный" или "социалистический" концепт. Учитывая российские реалии и высказанные выше соображения, вряд ли можно полагаться и на индивидуальные нравственные усилия представителей российских элит. Наиболее вероятным, хотя и очень медленным и не слишком эффективным вариантом социальной интеграции и, соответственно, повышения действенности социально-государственных институтов представляется выработка *"межсегментного конвенционализма"*.

В основе этого интеграционного механизма могут лежать угрозы неизбежности ответных санкций целых олигархических группировок или элитарных кланов в ответ на нарушение латентных конвенциональных норм. По мере упрочения такого механизма, детализации и спецификации соответствующих норм, превращения их в некую этическую систему возможно создание социальной почвы для следующего шага - идеологической консолидации элит и впоследствии для нисходящей послышной социальной интеграции всего общества.

Сегодня уже проступают первые признаки этого процесса. Примечательно, что ориентиром в становлении конвенциональных норм становятся нормы писаного закона. Равновесие сил олигархических кланов или неприемлемость ущерба, связанного с силовым разрешением споров (прямая аналогия с "равновесием страха" между сверхдержавами в период холодной войны), все больше превращают суды (при всей их коррумпированности) в инструмент разрешения реальных противоречий элит, укрепляющий "межсегментную конвенциональность". Но эти механизмы интеграции действенны на межэлитном уровне.

Если представить себе политическую модель, которая описывает подобное функционирование, ее можно охарактеризовать как "паханат с гражданским кодексом". Если же вспомнить философскую сказку Ф. Искандера "Кролики и удавы", то суд, где существует равенство лишь для элит, сегодня не место для встречи кролика с удавом. Но это не значит, что "межсегментная интеграция" совсем не оставляет места кроликам.

Важным фактором, задающим траекторию макросоциального развития страны, являются результаты процессов адаптации населения к новым условиям, создающие предпосылки для роста индивидуальной активности и мобильности. В этой области имеются значительные потенциальные ресурсы (которые в ближайшей перспективе все же не стоит переоценивать) для создания противовеса всевластию олигархий. В этом смысле рост "самостоятельного" социального сектора превращается в критерий эффективности макросоциального механизма, его вклад в формирование более органично организованного социального функционирования. А это — главная цель широко понимаемой социальной политики.

Все вышесказанное показывает, что для кардинальных перемен в макросоциальном развитии России имеется относительно немного возможностей. Но они все же есть и связаны прежде всего с созданием предпосылок для роста "самостоятельного" социального сектора. Многие зависят от того, насколько социальные силы, осознающие свою ответственность за судьбу страны, смогут использовать ресурсы и инструменты социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврамова Е.М.* Сберегательные установки россиян // *Общественные науки и современность*. 1998. №1.
2. *Дискин И.* В путях возмнившего разума // *Общественные науки*. 1990. № 4.
3. *Дискин И.Е., Аврамова Е.М.* Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1.
4. *Плакин В.* Кризис инвестиционной сферы российской экономики и пути его преодоления // *Вопросы экономики*. 1996. № 12.
5. *Loury G.* Dynamic Theory of Racial Income Differences // *Women, Minorities and Employment Discrimination*. Lexington, 1976.
6. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. №94.
7. *Дискин И.Е.* Возможен ли сегодня социализм в СССР? // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1.
8. *Валуев П.А.* Записки русского // *Военно-морской журнал*. 1854. С. 68.